

Что произошло до этого. Конец войны 1945 года. Последнее наступление Гитлера

[Hit Radio FFH "Was bisher geschah. Kriegsende 1945. Hitlers letzte Offensive"](https://www.ffh.de/podcast)
<https://www.ffh.de/podcast>

22 апреля 2025 [01:16:20]

Незадолго до Рождества 1944 года Вторая мировая война, казалось бы, для Германии уже проиграна. Но у Гитлера были другие планы: в заснеженных лесах Арденн он начинает своё последнее крупное наступление. Пока американские солдаты на Западе застигнуты врасплох и оказывают ожесточённое сопротивление, на Востоке начинается гигантское зимнее наступление Красной армии. Мы погружаемся в судьбы мужчин, которые на разных фронтах сражаются за одну и ту же цель — конец нацистской диктатуры. Каково простым солдатам в эти решающие недели войны? Почему наступление Гитлера в Арденнах с самого начала было обречено на провал? И как наступление Красной армии в январе 1945 года определяет дальнейший ход войны?

Источники:

Дневник Ли Оттса

Дневник Владимира Гельфанда

1945 Victory in the West Питера Кэдика-Адамса

Guns at Last Light: The War in Western Europe, 1944–1945 Рика Аткинсона

The Second World War Энтони Бивора

The Third Reich at War Ричарда Дж. Эванса

Это Рождество, первые часы 25 декабря 1944 года. Мы находимся в восточной части Арденн, в приграничной зоне Люксембурга.

Лейтенант **Ли Оттс** из Алабамы лежит на животе в снегу. Тело он прижимает к плоскому окопу, потому что каждые несколько минут немецкие пули из пулемёта свистят над ним и его товарищами. Затем следует короткий момент тишины, и снова воет новая очередь через ледяной воздух.

Лейтенанту Оттсу всего 22 года, но он несёт ответственность за 40 человек. И эти 40 человек в эту святую ночь сидят на своих позициях и ждут приказа наконец-то наступать. **Оттс** снова и снова ползает по этому плоскому окопу, проверяет своих людей, даёт им советы: двигайте ногами, двигайте руками.

Потому что если они этого не сделают, им грозит обморожение рук, ног и лица. И так оно и происходит на самом деле. Давайте я сейчас немного *отдаю* эту сцену.

На тот момент Вторая мировая война в Европе длится почти пять с половиной лет. Союзники уже стоят у границ Германского рейха. Но здесь, в заснеженных Арденнах, Адольф Гитлер за несколько дней до этого начал масштабное наступление.

Он собрал более 200 000 человек и сотни танков, спрятанных в густых лесах. Немцы нанесли удар и полностью застали американцев врасплох. Целые подразделения оказались в окружении.

Лейтенант **Оттс** и его рота должны теперь контратаковать, чтобы отбросить немцев. Но Вермахт продолжает наступать, и фронт теперь выгибается наружу, как большая выпуклость. Именно эта форма дала битве её английское название: *Battle of the Bulge*. Мы же называем её иначе: Арденнское наступление.

В 6:30 утра приходит долгожданный приказ. **Оттс** выводит своих людей из окопа, каждый шаг по хрустящему снегу может стать их последним, ведь они лёгкая мишень. Солдаты носят коричневые зимние пальто, заснеженный лесной пейзаж — и они хорошо выделяются на его фоне. Это, конечно, видят и немецкие пулемётчики. **Оттс**, например, видит, как одного из его солдат ранит, тот пытается ещё раз подняться, истекая кровью, зовёт в отчаянии и боли свою мать, а затем новая очередь пронзает лес, и человек навсегда замолкает.

Нильс, сейчас прошло ровно 80 лет с тех пор, как закончилась Вторая мировая война — самая жестокая и страшная война, которую мир знал до того времени. По меньшей мере 60 миллионов человек стали её жертвами. Мы используем этот юбилей, эту годовщину, чтобы сделать нечто особенное. Мы расскажем историю окончания войны в семи эпизодах. Не волнуйтесь, это не займёт семь недель, мы будем выпускать по две серии в неделю. И мы делаем это, потому что считаем, что нужно помнить о последних неделях и месяцах войны, о новом начале, которое последовало за ней, потому что из этого можно многое извлечь, не так ли?

Да, безусловно. Всегда стоит задавать себе вопрос: насколько прошедшее действительно прошло? И во Второй мировой войне это буквально касается повседневной жизни. Каждый день где-то в Германии находят и обезвреживают авиационные бомбы.

И это хорошая метафора: этот мир, эти вопросы, возникшие в конце войны, сопровождают нас до сих пор.

Я с вами, да, да.

Очень хорошо, ты снова на моей стороне.

Юмор в XVI веке, да. Да, над этим смеялись ещё древние римляне.

У меня на самом деле серьёзная мысль на этот счёт, потому что я действительно считаю, что шутки, которые люди рассказывали друг другу раньше, многое могут рассказать нам о них и о их времени. Иногда они вообще становятся непонятными. То есть если достаточно много времени прошло, вообще не ясно, где там была шутка.

Да, это тоже правда. Можно ли вообще понять такие шутки или есть, так сказать, универсальные модели юмора, которым уже тысячи лет? Я нахожу это очень увлекательным. И то же самое касается последних месяцев войны. Это ведь наша тема в этой мини-серии. Конечно, можно было бы возразить: ну чего уж смеяться тогда людям было? Но на самом деле — наоборот.

Именно в тёмные времена мы особенно нуждаемся в том, что англичане называют *comic relief*, — в разрядке через юмор, в возможности хоть немного посмеяться, чтобы перенести ужас. Летом 1944 года, например, в Германии ходила вот такая шутка: маленький мальчик рассматривает вместе с отцом глобус.

Отец объясняет: *"Вот здесь, эта огромная территория — это Советский Союз, с которым мы воюем."*

"А это что?" — спрашивает мальчик, показывая на другое большое пространство.

"Это Британская империя, сынок, мы тоже с ней воюем."

"А здесь?" — указывает мальчик на другую громадную область.

"Это Соединённые Штаты Америки. Мы и с ними тоже воюем."

Тогда мальчик задумывается на минуту и спрашивает: *"Папа, а Германия где?"*

И отец показывает на маленькое пятнышко в центре Европы.

Мальчик снова задумывается и спрашивает: *"Папа, а фюрер вообще знает, насколько мы маленькие?"*

У меня тоже есть один. Когда закончится война? — спрашивали себя в Берлине в 1944 году. Ответ: *"Когда Гёринг влезет в форму Геббельса."* Эту шутку, кстати, сам **Йозеф Геббельс** любил рассказывать. Надо добавить, что **Герман Гёринг** был довольно крупным человеком. Человеком, который, думаю, был не прочь к всевозможным удовольствиям. А **Геббельс** был маленьким. Мы ещё вернёмся к этому. Хотя надо сказать, что позже **Гёринг** действительно очень сильно похудел. Но это уже другая история. Эта шутка, которую я только что рассказал, — отличный пример *galgenhumor*, юмора перед лицом беды. Это своего рода немецкий аналог *comic relief*, хотя и не совсем то же самое. Это смех, когда смеяться, по сути, совсем не хочется. И это вполне буквально. Потому что за такую шутку в то время в Германии, если кто-то её услышал и донёс, можно было угодить под статью о подрыве боевого духа войск (*Wehrkraftzersetzung*), а это уже грозило смертной казнью.

Но эта шутка очень точно передаёт ситуацию в Германии на рубеже 1944–1945 годов. Потому что Третий рейх оказался загнан в угол. Хотя раньше его власть простиралась гораздо дальше.

Да, но он всё ещё держится. Мы часто думаем, что после высадки союзников в Нормандии всё уже было решено. И после поражения в битве при Сталинграде на Восточном фронте. Но всё затянулось.

Да, потому что на пике могущества нацистская Германия контролировала огромные территории. Ведь на какое-то время власть **Гитлера** распространялась от Атлантики до Волги.

Ты упомянул битву за Сталинград.

От Полярного круга до Северной Африки.

Но теперь, зимой 1944–1945 годов, всё это сжалось до минимума. Союзники наступают с запада и с востока. В Рейнской области и в Восточной Пруссии они уже захватили небольшие территории. То, что **Гитлер** ещё контролирует, — это Дания и Норвегия на севере, Северная Италия на юге. А также части Польши, Венгрии, Чехословакии и Австрии. Для него это кошмар, потому что он теперь ведёт войну на нескольких фронтах. А в начале он, похоже, этого как раз хотел избежать.

И, соответственно, всё идёт для нацистов всё хуже. Германия мобилизовала уже буквально всех. В сентябре 1944 года призыв был распространён на всех мужчин от 16 до 60 лет.

Это значит, что и нам с тобой пришлось бы идти на войну.

И для этого нацисты придумали громкое название: *Volkssturm* — Народное ополчение.

Звучит грозно.

Но на деле это была плохо вооружённая и плохо обученная масса, которую отправляли на убой.

Можно так сказать. А к этому добавляется ещё и материальный аспект.

Германия уже не могла восполнить потери в танках, самолётах и так далее, потому что против неё воевали США — самая мощная индустриальная держава в мире. И их производственные мощности только росли. Они перестроили всю экономику на выпуск военной продукции.

Да, знаменитые заводы **Форда** в Детройте.

Они выпускали танки и самолёты и так далее. И всё больше женщин работало на заводах. Германия тоже увеличивала производство, но этого уже не хватало. Ведь это была современная война, и то, что происходило на заводах, было не менее важно, чем происходящее на полях сражений.

Итак, это мы прояснили.

Теперь давай посмотрим на Западный фронт. В середине декабря, накануне наступления в Арденнах, о котором я уже говорил, союзники стояли у западной границы Германии. Там были американцы, но также британцы, канадцы и французы, что тебя, конечно, особенно порадует.

Шарль де Голль сумел добиться участия Франции. Мы тоже уже делали об этом выпуск. Он был там. В операции участвовали также французские пилоты, например, в небе над Ахеном.

*И один из них — мой дедушка. Разведчик. Очень хорошо. Насколько я знаю, семьи **Телгенбюшер** в этом не участвовали. Но это здорово. Я бы сказал: он был на правильной стороне. Хотя сам он это особо никогда не подчеркивал, странно. Но, может быть, мы ещё отдельно об этом поговорим. Это вообще важный момент, потому что в нашем семисерийном цикле мы, конечно, будем время от времени возвращаться к личным семейным историям. Ведь прошло всего 80 лет — это не так много, чтобы все эти рассказы забылись. Они до сих пор формируют, возможно, даже в каком-то смысле семейную память.*

Вернёмся к союзникам. Они уже взяли один большой немецкий город — Ахен. И тут возникает вопрос: как вообще союзники туда добрались? Почему такой человек, как **Ли Оттс** из далёкой Алабамы, сейчас вынужден лежать в снегу в Арденнах и сражаться с солдатами вермахта? Дело в том, что **Адольф Гитлер** сам объявил войну США — 11 декабря 1941 года, вскоре после того, как его союзник Япония атаковала американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайях.

Почему он это сделал, почему решил ввязаться в войну ещё и с самой мощной экономикой мира — это до конца непонятно. Но ясно одно: это была ошибка. До того момента американцы и союзники надеялись на их помощь, но сами США долго оставались в стороне. И вот мы начали рассказ с молодого парня из Алабамы. Для него это было очень далеко, и он вполне мог задаваться вопросом: зачем нам ехать туда, чтобы умирать в снегу за Германию? Пусть европейцы сами разбираются с тем, что они натворили.

Так думали многие. Например, такая фигура, как **Чарльз Линдберг**, тот самый лётчик, первым перелетевший через Атлантику, один из самых известных людей своего времени, был категорически против участия США в войне. Более того, у него были симпатии к нацистам. Была очень сильная политическая волна, призывавшая: *пусть европейцы сами разбираются со своими проблемами*. Эта волна называлась *America First*. Да, выражение, которое до сих пор отзывается эхом. Но после Пёрл-Харбора и объявления войны Германией это движение прекратило своё существование.

Американцы вступили в войну — хотя и довольно поздно. Многие, особенно **Черчилль**, долго призывали их помочь: стать *арсеналом демократии*, как выразился **Рузвельт**. То есть США до вступления официально в войну уже поставляли Британии оружие, технику и продовольствие. Но именно в декабре 1941 года они действительно вступили в боевые действия. И тогда немцы столкнулись с американцами на поле боя.

В Северной Африке, потом в Италии, потом в Атлантике — в морских сражениях с подводными лодками. Американские бомбардировщики тоже стали атаковать Германию. И вообще-то это всё висело на волоске — борьба с немецкими подлодками была крайне тяжёлой. Кстати, база немецких подлодок находилась в Бордо — городе во Франции, который я неплохо знаю. До сих пор там можно увидеть гигантский бункер для подлодок, который невозможно разрушить — сейчас он превращён в центр современного искусства. Огромное здание, размером с городской квартал. Эти лодки из Бордо едва не перерезали пути снабжения между США и Великобританией.

Они топили конвои, шедшие из Канады и США. И **Черчилль** всерьёз боялся, что Британия может погибнуть от голода. Американцы в последний момент сумели взять ситуацию под контроль. Как именно? Благодаря изобретению специальных прожекторов, с помощью которых самолёты находили подлодки в тёмных водах и топили их. Это я знаю от **Джона Кигэна**, выдающегося историка. Только после этого снабжение Британии стало снова возможным. Так что порой всё решают такие вот технические детали. И в этой поздней фазе Второй мировой войны всё было намного более на грани, чем нам кажется сегодня.

В AStA, видишь? Студенческая политика. Я тоже тогда учился в университете, и в этом возрасте ты уже руководитель.

Он ведь лейтенант, то есть командует 40 людьми. У него, можно сказать, есть небольшой боевой опыт, хотя бы в обращении с винтовкой. Его обучали, но ещё до войны он регулярно ходил на охоту у себя на родине.

18 ноября 1944 года **Ли Оттс** присоединяется к своему новому подразделению. Это подразделение входит в состав армии легендарного американского генерала **Джорджа Паттона**.

Да, один из тех многих, как сказать, людей, которых сегодня уже не встретишь.

Абсолютно безжалостный, но успешный. Поэтому у людей и отвращение к войне — независимо от стороны, потому что именно такие фигуры нужны для достижения успеха. Трудно подобрать к нему однозначное определение. Он жёсткий человек, бескомпромиссный, и уже успел вызвать скандал в армии США. В 1943 году во время кампании на Сицилии он ударил пощёчинами двух солдат в лазарете. Так называемые «случаи пощёчин». Эти солдаты находились в госпитале из-за того, что страдали от того, что сегодня мы бы назвали ПТСР — посттравматическим стрессовым расстройством.

Именно, **Паттон** это не признавал, он считал их трусами и говорил, что травма — это просто отговорка. Он ударил их по лицу, и это вызвало в США национальный скандал.

Тем не менее **Паттон** сохранил свой пост — он был нужен, и осенью 1944 года его армия стоит в Лотарингии, прямо у границы с Германией. Его задача: прорвать немецкие линии и продвинуться в Саар. Если посмотреть, что **Ли Оттс** записывает в это время в своём дневнике, туда входят, например, советы по выживанию, которые даёт ему другой лейтенант:

Правило номер один: ни в коем случае нельзя на поле боя выглядеть как офицер, то есть нельзя носить знаки различия на форме или офицерские пальто, потому что немецкие снайперы целятся в первую очередь в командиров.

Американцы рассказывали, что якобы за каждого убитого офицера немцам давали три дня отпуска.

И у меня был родственник, который рассказывал, как его однажды сбили, и он потом понял, что самолёты специально целились в пилотов. Потому что на подготовку пилота уходило гораздо больше времени, чем на производство самолёта. Он спасся, хотя его тяжело ранили, но не убили.

Ещё один совет, который получает **Ли Оттс**: всегда оставаться в движении при атаке, потому что, цитата: *«Если остановишься и дашь немцам время навести миномёты и артиллерию на тебя, тебе конец.»*

Хайни — так называли немцев, как и Джерри или Краутов. Миномёты стреляли так: сначала один снаряд улетает слишком далеко, второй ближе, а третий попадал в цель. Так рассказывал мне один пожилой родственник, прошедший обучение.

Ещё **Оттс** научился распознавать вражеские снаряды по звуку — до того, как те взрывались. Например, гранаты 88-миллиметрового орудия издавали особый вой, похожий, цитата: *«на крик безумной женщины»*. Такие знания на месте были жизненно важны.

Если снова подняться на уровень общей картины войны, стоит спросить: почему американцы вообще в ноябре 1944 года ещё сражаются с немцами? Ведь после высадки в Нормандии наступление шло хорошо, Париж был освобождён, и многие ожидали, что война закончится к октябрю.

Мы это видим и в «Дневнике Анны Франк»: её семья надеялась, что союзники продвинутся быстро и скоро освободят их. Но союзники наталкиваются на серьёзное препятствие — Западный вал. Это 600 километров укреплений на западной границе Германии, строительство которых Гитлер начал ещё в 1936 году. В сентябре 1944 года они пытаются обойти его с севера через масштабную воздушно-десантную операцию — но она проваливается. Кто хочет понять почему, пусть посмотрит классический фильм «Мост слишком далеко» («Die Brücke von Arnheim»). Там это хорошо показано. И они застревают у Западного вала. Особенно тяжёлые бои идут в Хюртгенвальде юго-восточнее Ахена.

Для многих американцев этот лес стал, цитата, *«худшим местом на всём фронте»*. Густые леса, крутые склоны — настоящий кошмар для наступления. За каждый метр земли союзники платят огромными потерями. Немцы тянут время. И это снова ставит перед нами, потомками, вопрос: почему они не сдаются, когда война уже проиграна? Здесь видно влияние нацистской идеологии и армейской дисциплины. Там нет места для свободной воли. Рационально они должны были бы сказать: «Ладно, сдаюсь, американцы меня не убьют.» Но они уже часть машины, в которой нельзя остановиться.

Это отличие между Первой и Второй мировыми войнами.

Если посмотреть на поведение немецкого командования: в Первую мировую войну они остановились, когда война пришла к границам. А во Вторую — **Адольф Гитлер** и его окружение продолжали бороться до последнего, вовлекая всех остальных, кто хотел бы сдаться.

Это политический урок, который **Гитлер** вынес из Первой мировой войны: «Мы сражались мужественно, но нас предали. В следующий раз этого не будет.» Он искал мести, а французы — гарантий.

И теперь эта идея реализуется: борьба до последнего.

Гитлер планирует новую наступательную операцию, которая должна изменить ход войны на Западе в его пользу. И ещё одна важная мысль: нам, потомкам, легко рассуждать о тех боях с точки зрения финала. Мы знаем, чем всё закончилось. Но для солдат, например **Ли Оттса**, всё было иначе. Они не знали, чем всё закончится. Они были в смертельной опасности. Любой шаг мог стать последним.

Ли Оттс сам воспринимал войну скорее как большое приключение. Его это не сильно угнетало, но у его товарищей проявлялись признаки «усталости от боя» — Battle Fatigue. Нервы сдавали. Один солдат начинал плакать, услышав немецкий пулемёт. Другой сидел в окопе и тихо рыдал. Да, и на немецкой стороне выжившие несли это бремя всю оставшуюся жизнь. Я помню, в детстве взрослые в семье часто говорили странные вещи.

Например: *«Хлеб нельзя выбрасывать.»* Или: *«Я не переношу взрывы на Новый год.»* Тогда мы, дети, смеялись: «Что за стариковские причуды?» Но теперь понятно: это последствия войны.

И мужской образ тоже изменился. Многие отцы и деды говорили: *«Настоящий мужчина не показывает боль.»* Это всё наследие войны. И только спустя много лет пришло понимание, что война ломает людей.

ПТСР, посттравматическое стрессовое расстройство, официально признали болезнью только в 1980 году, во многом благодаря опыту войны во Вьетнаме.

Что интересно: в рассказах **Оттса** нет ненависти к врагу. И нет пафоса о борьбе против **Гитлера**. У моего деда тоже не было. Он вообще никогда не говорил об этом с гордостью. Может быть, это потому, что в те годы солдаты не знали о масштабах нацистских преступлений. Они вели обычную войну — за жизнь, за выживание. А о моральной миссии освобождения Европы тогда почти никто не думал.

Можно также сказать: *«Ну да, ему было не до того. Он находился в экстремальной ситуации.»*

Это правда. И он действительно описывает в своих записях именно эту жизнь на фронте, это ежедневное выживание, это вынужденное терпение. Возможно, у него просто не было времени и ментальных ресурсов, чтобы задумываться ещё и о немцах. Кроме того, каждый солдат видит лишь крошечный фрагмент войны. И в этот фрагмент не всегда входят немецкие преступления. Общую картину фронтовые солдаты практически не воспринимают.

Этим занимаются скорее генералы — или уже гораздо позже историки и исследователи.

В середине декабря **Ли Оттс** всё ещё находится на позициях в Лотарингии. Чуть севернее, между Ахеном и югом Лотарингии, лежит фронтовой сектор, который уже несколько месяцев оставался спокойным.

Это Арденны. Мы их уже упоминали в начале выпуска. Этот сектор был настолько тихим, что американцы прозвали его *«Призрачным фронтом»* (Ghost Front).

Американцы вовсе не ожидали, что немцы ещё смогут начать крупное наступление. Тем более — в сложной местности Арденн. Это был их своего рода *«слепой угол»* на

карте. То же самое случилось и в 1940 году, когда вермахт атаковал Францию через Арденны. Тогда французский Генеральный штаб тоже считал, что преодолеть Арденны невозможно. И здесь снова вспоминается моя семейная история: мой дед был пилотом-разведчиком. Один из его коллег тогда доложил: *«Немцы идут через Арденны!»* Он только что вернулся с разведывательного полёта. Их часть тогда базировалась, кажется, в Меце. И этого пилота отправили в отпуск — его начальство решило, что он выдумал, потому что это считалось невозможным. Он получил выговор и был временно отстранён от службы. А спустя короткое время всё подтвердилось.

Именно на эффект неожиданности **Гитлер** делает ставку в декабре 1944 года. 16 декабря начинается атака. Три немецкие армии наступают в Арденнах — в густом тумане и снегопаде. И это критически важно, потому что при плохой погоде союзники не могут использовать свою авиацию, в которой у них было преимущество.

Насчёт численности немецких войск источники разнятся, но, скорее всего, речь идёт о примерно 200 000 солдатах и сотнях танков. Американские линии обороны в этом районе были очень тонкими. То есть исходные позиции для немцев были весьма благоприятными. **Гитлер** тайно готовил эту последнюю крупную операцию в течение нескольких месяцев. По слухам, идея пришла ему в голову, когда он лежал в постели с желтухой и разглядывал карту. И мысль повторить триумф 1940 года, конечно, была для него крайне соблазнительной. Цель наступления — прорвать фронт, перейти через Маас, как в 1940 году. И когда **Гитлера** на одном из совещаний спрашивают о конечной цели операции, он отвечает одним-единственным словом: *«Антверпен.»*

Разница с маем 1940 года в том, что тогда у Франции практически не было сил для контрудара. А теперь за союзниками стоит огромная американская военная машина. Она пока немного дальше, но она идёт.

Именно. Условия были совершенно другими.

Антверпен — это главный порт снабжения союзников. **Гитлер** хотел отрезать их от Антверпена. В идеале он надеялся разорвать фронт, окружить британские войска на севере и изолировать их от американцев на юге. Это была бы повторная версия успеха мая 1940 года. И он верил: если это удастся, западные союзники заключат сепаратный мир с нацистской Германией. И тогда они вместе выступят против Красной армии на Востоке.

Ты смеёшься. И правильно. Это классический случай проекции своих методов на других. Ведь **Гитлер** сам предал **Сталинский пакт**, напав на Советский Союз. Он просто предполагал, что все действуют так же, как он: нарушают договоры ради краткосрочной выгоды. Но союзники договорились твёрдо: сначала уничтожить режим **Гитлера**. Эта цель объединила их, несмотря на все различия.

Гитлер полностью не понимал реальной обстановки, у него было искажённое представление о противнике. Даже собственные его генералы были крайне скептически. Они знали: топлива и боеприпасов катастрофически не хватает. Плана до Антверпена недостаточно — по расчётам они должны были захватывать топливо у союзников по ходу движения. Слишком много зависело от удачи, чтобы этот план сработал.

Главная проблема: **Гитлер** больше никому не доверяет, особенно после покушения **Штауффенберга** 20 июля 1944 года. Он считает, что его генералы его предадут. И, кроме того, **Гитлер** был человеком, который думал, что лучше всех во всём разбирается.

Типичный начальник. И к тому же — безо всякого военного опыта.

В итоге получается одна из самых безрассудных операций войны. У каждого своё представление о **Гитлере**. Моя теория: он уже осознавал весь масштаб своих преступлений. И понимал, что выхода для него нет. Эти люди, как и он сам, пришли ниоткуда. И каждый новый день для них был победой над судьбой. Они жили надеждой выиграть хоть ещё немного времени. И в конце концов оказались в ловушке, которую сами себе устроили. 20 июля стало для них поворотной точкой.

На последнем дне рождения **Гитлера** в 1945 году все поздравления сводились к тому, что, мол, *«провидение спасло вас, фюрер, значит, вас ждёт великое предназначение.»* Поэтому он шёл вперёд с полностью закрытыми глазами и был абсолютно невосприимчив к фактам. Он не поддавался никаким советам. И полностью игнорировал реальность. Хотя, надо признать, первый этап операции был удачным: фактор внезапности сработал.

Союзники были застигнуты врасплох. Уже в первый вечер около 7000 американских солдат попадают в окружение и сдаются. Это самая массовая капитуляция американских войск в Европе за всю войну. На второй день наступления — 17 декабря 1944 года — происходит одно из самых печально известных преступлений, совершённых немецкими войсками на Западном фронте. Это случилось в воскресенье в обеденное время в городке Мальмеди, на востоке Бельгии. Батальон американской армии из 140 человек на 33 машинах должен был выявить позиции немецкой артиллерии. Только что они закончили обед: фарш, горох и консервированные ананасы.

Ты морщишься, но это, в общем-то, не так уж плохо.

Настроение у них напряжённое. Понятно: они ведь на передовой. Но особой тревоги среди них нет. Они движутся в юго-восточном направлении — туда, где должны быть задействованы. И пока колонна катится по зимним улицам Мальмеди, бельгийские мирные жители пытаются предупредить американцев. Они отчаянно жестикулируют и кричат: *«Боши! Боши!»* Ты знаешь, что это значит. Это французское ругательство для немцев.

Именно, очень оскорбительное. Но из-за недопонимания американцы не улавливают смысла. Они думают: *«О, какие дружелюбные люди!»* — и радостно машут им в ответ.

Поэтому они даже не подозревают, что их уже поджидает боевая группа СС под командованием оберштурмбаннфюрера **Йохена Пайпера**, которая глубоко прорвалась в американские линии. Так американцы попадают в ловушку СС, верной своему ужасному имиджу до самого конца. В последние месяцы войны **Гитлер**, всё больше подозревая вермахт, всё чаще полагается на формирования СС. И они были столь же жестоки, как и везде.

Когда американская колонна сталкивается с бойцами СС, бой вспыхивает внезапно, стремительно и жестоко. Американцы абсолютно не готовы. По ним ведут огонь из пулемётов и танков. Этот неравный бой длится всего две минуты. Затем **Пайпер**, разозлившись, приказывает прекратить стрельбу. Он возмущён тем, что уже уничтожено 15 новеньких американских грузовиков. А ведь немцам остро не хватает техники.

После боя тела многих американцев остаются лежать в снегу. Некоторым удаётся спастись — они прячутся в лесу или в кюветах. Многие другие сдаются. Их с поднятыми руками сгоняют на заснеженное поле. Бойцы СС выстраивают их в восемь рядов, обыскивают и забирают всё ценное: кольца, часы, перчатки, сигареты. Что происходит потом, достоверно неизвестно. Но ясно, что в какой-то момент СС открывает огонь по безоружным пленным. Затем эсэсовцы проходят через окровавленное поле и добивают оставшихся в живых, стреляя им в голову.

Кричат что-то вроде: «*Этот ещё дышит!*» или «*Тот ещё жив!*»

В ходе так называемой резни в Мальмеди эсэсовцы убивают около 80 американских военнопленных. Но выживают несколько человек. Примерно дюжина солдат притворяются мёртвыми. Они пролежали неподвижно среди тел более двух часов, пока СС не ушли. Именно они стали свидетелями произошедшего.

Это наши свидетели. Потомки часто спорили: была ли войска СС лишь продолжением вермахта? Была ли это "та же армия"?

Когда, например, стало известно о прошлом **Гюнтера Грасса**, утверждали, мол, его пребывание в СС было не столь уж ужасным. Но такие выжившие, как **Луис Бегли**, вспоминали: если прячешься, то если найдёт СС — это конец. При обычных солдатах вермахта шанс выжить иногда ещё оставался. И здесь мы видим настоящую сущность СС: даже за несколько месяцев до конца войны они хладнокровно расстреливают безоружных.

Участников этой резни после войны судят. В том числе оберштурмбаннфюрера **Йохена Пайпера**. Его приговаривают к смертной казни. Но, как мы рассказывали в выпуске о **Вернере Бесте**, он позже освобождается. Он даже работал для **Porsche** и одного издательства в Штутгарте. **Пайпер** погибает только в 1976 году — при загадочном поджоге его дома во Франции. Можно сказать: «*Карма настигла.*» Хоть и поздно.

Новость об этом кровавом убийстве быстро распространяется среди американских войск. Тем временем вермахт продолжает наступление на запад и окружает около 12 000 американских солдат в бельгийском городке Бастонь. Это настоящая катастрофа: у окружённых нет зимней одежды, температура минус 20 градусов, боеприпасы заканчиваются. Им срочно нужна помощь. Поэтому **Ли Оттс** и его товарищей срочно грузят в грузовики и джипы и отправляют к фронту.

В день резни в Мальмеди в Арденны двигаются десятки тысяч американских солдат. Позже туда подтянутся ещё 100 000.

Для **Гитлера** и немцев начинается гонка со временем — и с погодой.

Можно сказать так: «Ну, у него были другие заботы. Он находился в экстремальной ситуации.» Это верно. И он описывает именно это: жизнь и выживание на фронте, ежедневное терпение. Возможно, у него просто не было ни времени, ни ментальной силы задумываться о немцах. Кроме того, каждый солдат видит только крошечный фрагмент войны. И к этому относятся также немецкие преступления. Общее понимание событий фронтовые солдаты почти не имели. Это становится задачей генералов или, намного позже, историков и исследователей.

В середине декабря лейтенант **Odds** всё ещё дислоцирован в Лотарингии. Севернее, между Ахеном и Лотарингией, находится фронтовой участок, который оставался спокойным в течение месяцев. Это Арденны. Мы уже упоминали их в начале выпуска. Этот участок был настолько тихим, что американцы называли его *Ghost Front* — Призрачный фронт.

Американцы совершенно не ожидали, что немцы смогут начать здесь масштабное наступление — особенно в таком сложном лесисто-горном районе. Это был их "слепой участок" на карте. То же самое произошло ещё в 1940 году: когда Вермахт начал атаку на Францию, он пошёл именно через Арденны. Тогда французский Генштаб тоже считал это невозможным.

И здесь я снова вспомню о своей семье. Мой дед был разведчиком-пилотом. Один из его коллег после облёта сообщил: «*Немцы идут через Арденны.*» Но, приземлившись на базу в Меце, он услышал от начальства: «*То, что ты говоришь, невозможно. Ты устал, тебе нужен отпуск.*» Его временно отстранили от службы за "ложное сообщение". Спустя совсем немного времени выяснилось, что он был прав.

Именно на такой эффект внезапности и ставил Гитлер в декабре 1944 года. 16 декабря началось наступление: три немецкие армии атаковали Арденны в густом тумане и снежной буре. Это было критично: в плохую погоду союзники не могли использовать своё преимущество в воздухе.

Масштаб немецких сил, по разным источникам, составлял более 200 000 солдат и сотни танков. Против них стояли относительно тонкие американские линии. Исходные условия для немцев были хорошими.

Гитлер месяцами тайно готовил этот последний удар. По слухам, идея о наступлении пришла ему в голову, когда он лежал в постели с желтухой, уставившись в карту. Стремление повторить успех мая 1940 года оказалось слишком соблазнительным.

Цель этой операции: быстро прорвать фронт, пересечь Маас, как в 1940 году. Когда Гитлера спросили о конечной цели наступления, он бросил одно слово: «*Антверпен.*»

Разница с 1940 годом была огромной: тогда французская армия была фактически небоеспособной. Теперь же противостояла могучая американская военная машина.

Антверпен был ключевым портом, через который шло снабжение союзников. Гитлер надеялся отсечь британские войска на севере от американцев на юге. И если бы это удалось, он мечтал о сепаратном мире с Западом — чтобы объединиться против Красной армии.

Ты смеёшься, но это типичная ошибка проекций: он сам нарушил пакт с СССР и предполагал, что и другие так же легко предадут союзников ради выгоды. Но у союзников были твёрдые договорённости: главная цель — уничтожение нацистского режима.

Даже собственные генералы Гитлера скептически относились к плану. Запасов топлива и боеприпасов было слишком мало. План предполагал захват союзных топливных складов на ходу — иначе немцам просто не хватило бы бензина до Антверпена.

Но Гитлер уже никому не доверял после покушения **Штауффенберга** 20 июля 1944 года. Его мышление всё сильнее уходило в иррациональность. Он был параноиком, окружённый льстецами, убеждённый в своей непогрешимости, при этом без реального боевого опыта.

Эта наступательная операция стала ярчайшим проявлением его отчаяния. Гитлер до конца верил, что судьба в последний момент снова улыбнётся ему, как в 1940 году. Он продолжал рисковать всем в безнадёжной игре.

Удивительно и трагично то, что несмотря на полный абсурд плана, Вермахт, СС и другие структуры до самого конца исполняли его приказы, принося в жертву десятки тысяч жизней.

16 декабря 1944 года наступление началось. Эффект внезапности был достигнут: союзники были полностью застигнуты врасплох. Уже вечером первого дня около 7000 американских солдат попали в плен — крупнейшая капитуляция США в Европе за всю войну.

На следующий день, 17 декабря, произошло одно из самых известных военных преступлений на западном фронте — Мальмедийская резня. О ней мы уже начали говорить в предыдущем фрагменте.

И как это иногда бывает на войне — вот он, этот особый безумный парадокс: фронт снова проходит там же, где он находился до наступления. Только теперь погибли тысячи людей. Предположительно, около 80 000 немцев и 70 000 американцев были убиты, ранены или пропали без вести.

Для американцев такие потери были восполнимы. Для немцев — нет. А **Гитлер** мечтал повторить свою «великую победу» мая 1940 года. Этот бросок, это внезапное наступление через Арденны оказалось всего лишь пустой фантазией. Вермахт не триумфировал — наоборот, потерпел поражение, которое лишь ускорило конец нацистского режима. Это был безумный план. Ты бы согласился?

Да. И именно это делает всё происходящее особенно удручающим. Мы всегда говорим: это был план **Гитлера**. Но ведь он не мог осуществить его один. Мы видим, насколько активно вермахт и все другие части армии участвовали, хотя уже существовали разногласия между «фюрером» и его генералами.

Никто не сказал: *"Теперь всё, заканчиваем, сохраняем жизни"*. Вместо этого они сражались до конца, погубив 80 000 человек ради заведомо проигрышной операции. Как мы и шутили: достаточно просто уметь читать карту, чтобы понять, куда всё катится.

Никто не сказал: *"Заклучим перемирие, сохраним людям жизнь"*. А ведь одновременно с этим на востоке продолжались массовые убийства европейских евреев. В эти недели машина смерти работала на полную мощность. Никто не выступил против этого — ни армия, ни другие слои общества. Именно это потом ещё тяжелее ложилось на плечи Германии и усложняло её возвращение в мировое сообщество.

Ты выдвинул гипотезу, что **Гитлер** осознавал неизбежный конец и пытался лишь выиграть время. Я вижу это иначе. Думаю, он действительно до конца, в своём безумии, верил, что сможет переломить ход событий. Что *провидение*, как ты упоминал, поможет ему.

На примере Арденнского наступления видно, кто он был: игрок, который в последний момент ставит на одно число всё, что у него есть. Он думал, раз уж ему однажды повезло в 1940-м, значит, удача будет снова на его стороне. Будто он избран судьбой. А ведь он уже много лет жил в бункере, окружённый лишь подхалимами, которые в унисон твердили: *"Да-да, мой фюрер, вы правы"*. Правда до него доходила сильно отфильтрованной. Остальное он просто игнорировал.

Альберт Шпеер и другие находили способы ещё какое-то время поддерживать его безумие. **Гейбельс** в узком кругу признавался: *"У нас слишком много крови на руках. Победитель не пощадит нас"*.

Значение Арденнского наступления в том, что оно показало: **Гитлер** полностью утратил связь с реальностью. Всё его существование держалось на самообмане. И план изначально был безумным: слишком много случайностей должно было сыграть в пользу немцев. Им нужно было захватить топливо у противника, молиться о продолжении плохой погоды... После провала наступления стало окончательно ясно: вермахт истощён. Панцерваффе тяжело разгромлены. Оставшиеся запасы топлива уничтожены. Американцы в феврале 1945 года прорываются через Хюртгенский лес.

И продвигаются к Рейну.

Разрушение, которое Германия принесла другим странам, теперь обрушивается на неё саму. Хотя надо отметить: союзники вели не войну на уничтожение. Но теперь война пришла домой.

Ли Отц продолжает свой путь к Саару, где ему предстоит подавить сопротивление западнее Рейна. Эти дни становятся для него самыми изматывающими за весь конфликт. В своём дневнике он пишет, что иногда оказывался так близко к немецким позициям, что в тишине мог различить, как вражеские солдаты переговариваются.

Это напоминает сцены из окопной войны Первой мировой.

В марте он получает ранение: осколок гранаты пробивает в его лице *"дырку размером с долларовую монету"*. Потом его ранит пуля в плечо. Раны тяжёлые, но не смертельные. И они дают ему право на так называемый *"домашний выстрел"*: ранение, которое выводит солдата из строя, но сохраняет ему жизнь.

Ли Отц эвакуируют сначала в Великобританию, затем в США. В госпитале он знакомится с молодой американкой — сестрой Красного Креста. Она ухаживает за ним,

меняет повязки. Между ними возникает глубокое чувство. В 1948 году они женятся и потом воспитывают четверых дочерей.

Ли Отц дожил до 2015 года.

"Война — отец всех вещей." *"Домашний выстрел"* пытались получить и многие немецкие солдаты.

Один из них — будущий министр финансов **Ханс Маттофер**. В своих воспоминаниях он рассказывает, что узнал способ ранить себя через кусок чёрствого хлеба: прострелить ногу так, чтобы остаться живым, но получить ранение. И он провернул это. Уцелел и вернулся домой.

Но попытка инсценировать ранение была очень рискованной. За это могли судить военным трибуналом.

Что касается Арденнского наступления: оно не принесло **Гитлеру** ожидаемой победы. Наоборот, оно катастрофически ослабило его армию. И этим воспользовалась Красная армия.

Повседневная жизнь американских солдат на фронте была ужасной, но Восточный фронт был ещё страшнее — жесточайший, кровавый. Ни одна страна в мире не понесла таких потерь, как Советский Союз. И теперь для многих советских солдат настало время мщения.

Мы меняем сторону.

От Западного фронта — к Восточному. От американцев — к советским войскам.

Пока **Гитлер** в январе 1945 года окончательно отказывается от наступления в Арденнах, Красная армия готовится к грандиозной зимней операции.

И могу сразу сказать: она не провалится.

Немного географии. К началу 1945 года Красная армия стоит на границе Восточной Пруссии. Южнее она дошла до Вислы. Варшава уже видна с противоположного берега.

Всё началось с приказа **Гитлера** летом 1941 года — напасть на Советский Союз. Он рассчитывал на быструю победу: достаточно, думал он, *"выбить дверь"*.

Операция "Барбаросса".

Его цель — согласно нацистской идеологии — уничтожить *"еврейско-большевистское государство"*, захватить *"жизненное пространство"* для немцев. А значит: изгнать, уничтожить или заморить голодом миллионы людей. Это был не обычный захватнический поход, а расово-идеологическая война на уничтожение. Не только против евреев, но и против поляков, русских, всех славян, которых нацисты считали "недочеловеками".

И тут **Гитлер** снова ошибся. Советский Союз оказался не гнилым домом, как он полагал, а выдержал натиск. Тем, кто хочет глубже разобраться, мы рекомендовали бы нашу трилогию о **Сталине**.

После разгрома под Сталинградом в начале 1943 года Красная армия начала методично отеснять вермахт. Это был крайне кровопролитный процесс. Большинство немецких солдат погибло именно на Восточном фронте.

Можно ли сказать, что именно Красная армия была настоящей победительницей над **Гитлером**?

Без разгрома под Сталинградом победить **Гитлера** было бы крайне сложно. На континенте нужна была помощь Красной армии. Здесь нет сомнений. Но эта победа была куплена ужасной ценой.

Бойцы стояли под давлением **Сталина**, в исторической ловушке.

И всё-таки мы многим обязаны этим людям. Они защищали свою Родину. Советский Союз понёс самый высокий кровавый урон. И всё же, освобождение Европы — это заслуга и Красной армии, и западных союзников. И да, СССР сильно зависел от материальной поддержки США и Великобритании: танки, грузовики, продовольствие шли в Советский Союз по северным маршрутам. Во времена Холодной войны об этом неохотно вспоминали, но это исторический факт.

Георгий Жуков, например, открыто признал: без помощи союзников советская оборона рухнула бы. Так что в те годы между союзниками действительно существовала особая связь. И, конечно, на фоне ещё незнания о сталинских репрессиях, **Сталин** воспринимался многими на Западе как добрый союзник.

Да, была наивность, слепота.

Но во Второй мировой они воевали вместе.

И когда в январе 1945 года начинается советское наступление, на Восточном фронте стоит 6,7 миллиона красноармейцев. Это вдвое больше, чем у **Гитлера** в 1941 году. Наступление шло по всему фронту — от Севера до Юга.

И среди этих солдат был **Владимир Гельфанд**, двадцатидвухлетний молодой человек с тёмными волосами и полными щеками.

Ровесник **Ли Отца**.

Они никогда не встретятся.

Но их объединяет одно...

Они оба вели дневники, и я уже упоминал: это даёт нам максимально аутентичный взгляд на ход войны. Многие немцы тогда — и, возможно, до сих пор — склонны сводить Красную армию исключительно к «русским». Но это слишком упрощённо, потому что Красная армия была армией Советского Союза — многонационального государства, включавшего, не считал точно, но, думаю, несколько десятков народов и

этнических групп. Конечно, русские составляли большинство, но СССР был именно многонациональной державой. И хорошим примером этого является **Владимир Гельфанд**. Он родом из Украины, к тому же он еврей — один из тех людей, которых национал-социалисты хотели уничтожить до последнего младенца.

Гельфанд уже принимал участие в Сталинградской битве, где был тяжело ранен. Возможно, это даже спасло ему жизнь, потому что он избежал самых кровавых боёв 1943 года. В это же время он узнал, что немцы почти полностью истребили его семью по отцовской линии.

Таким образом, **Владимир Гельфанд** имел все основания ненавидеть немцев — тех людей, против которых он сражался.

Это очень хорошо объясняет, почему для советского населения Второй мировой война имеет такую особую символическую значимость. Это Великая Отечественная война, и ежегодные парады 9 мая являются эхом тех причин, по которым велась эта война: защита Родины и самоутверждение перед лицом абсолютного уничтожения. Это отказ принять свою участь и решимость дать отпор. Это фундаментальное историческое событие, определяющее самосознание народов Советского Союза и по сей день.

И здесь становится очевидной важнейшая разница между советским офицером **Гельфанд** и американским лейтенантом **Lee Odds. Odds**, который не испытал, что значит, когда Вермахт разрушает твою родину и убивает твоих родственников. Его, в отличие от советских солдат, немцы не считали «унтерменшем».

Таким образом, да, оба они вели дневники, да, оба они сражались против нацистской Германии, но между ними существовали глубокие, принципиальные различия.

12 января 1945 года началось крупное зимнее наступление Красной армии. Атака разворачивалась поэтапно: три волны в течение трёх дней. Каждый раз ей предшествовал мощный артиллерийский обстрел. В северной части наступление шло на Восточную Пруссию, на юге — на Краков и Бреслау. Центральный участок фронта возглавлял маршал **Георгий Жуков**, которого мы уже упоминали. Его цель — Берлин. И именно он станет тем, кто возьмёт Берлин, что сделает его соперником Сталина.

Да, именно так. Но **Schukow** выжил, в отличие от многих других.

Владимир Гельфанд сражался на этом центральном участке фронта. В отличие от **Lee Odds** — авантюриста из Алабамы — **Гельфанд** был скорее рефлексирующим, мечтательным типом, который, если бы не война, возможно, стал бы писателем или поэтом.

И это чувствуется. 14 января, накануне наступления, **Гельфанд** сидел в окопе возле своей огневой позиции. Снаружи рвались немецкие снаряды, но он оставался спокойным и записывал в дневник:

"4:50 утра. Снаружи непроглядная тьма, а фрицы обрушивают на нас яростные удары. Сердце колотится до горла, мысли не находят покоя. Это ад. Вокруг гремят, воют, свистят и рычат снаряды. И ты сидишь между жизнью и смертью и можешь

только ждать, как судьба, которая уже не раз вмешивалась в твою жизнь, теперь распорядится.

Каждый раз, когда взрывается снаряд, гаснет свет. На меня осыпается земля. ВВесь потолок землянки нависает надо мной как серый кошмар. Враг в пределах видимости. Солдаты ругаются, им страшно.

Я же молчу, не показываю страха. Ведь офицер должен сохранять железные нервы. Наша артиллерийская подготовка ещё не началась.

Я смотрел на карту немецких укреплений. Невероятно, но наши силы в три раза превосходят их. Снова обстрел. Свет погас. Я пишу в темноте, а снаряды гремят и воют злобно, насмешиливо. Когда свет снова зажёжется, будет видно, кто победил.

Свет вселяет в сердце надежду. Немец — дурак: стреляет без толку. Пусть стреляет. Наши корректировщики засекут его позиции по вспышкам и затем уничтожат их нашими орудиями".

Очень сильно написано. Особенно учитывая, в каких условиях это рождалось.

И неудивительно, что такие переживания оставляли неизгладимые следы в душе. Ведь человек в такие моменты запрограммирован либо бежать, либо сражаться. А здесь приходится сидеть неподвижно, в ожидании — поймает тебя смерть или нет.

Именно это ожидание, этот застывший страх потом преследует на всю жизнь.

Гельфанд, возможно, вёл дневник и чтобы отвлечься. Это было другое переживание войны — не в разгар боя, когда тело переполнено адреналином, а в мучительном ожидании под обстрелом.

Вскоре всё началось. Советы открыли артиллерийский огонь из всех стволов. Вероятно, стреляли и *катюши* — ранние реактивные установки, воющие при запуске, словно сирены. Немцы называли их «органами Сталина».

После артиллерийского штурма, который **Гельфанд** называет "артиллерийской подготовкой", Красная армия перешла в наступление. Немцы почти не смогли оказать сопротивления: подразделения Вермахта были смяты. Наступление продолжалось и днём, и ночью. Панцерники засыпали за штурвалами танков — настолько изнурительным был марш.

17 января пал Варшава. Два дня спустя — Краков.

Владимир Гельфанд оказался в самой гуще событий и был настолько занят, что почти не писал в дневник, хотя обычно делал это регулярно. Только 19 января он снова записал более подробно, в частности:

Повсюду разбросаны трофеи. Кругом полыхают пожары. Немцы подожгли склады, пытаются уничтожить всё ценное. Но им редко это удаётся.

Дневник **Гельфанда** рассказывает также о фронтовых буднях — о боях, разочаровании и иногда о плохой пище.

Цитата:

Им принесли завтрак. *Эти перловые каши мне уже так осточертели, что я даже упоминать о них не хочу.*

Или он язвит в адрес своего начальника: *Командир роты — сопливый мальчишка.*

Здесь видно, что он пишет не письмо домой, а в личный дневник. Иначе такие высказывания наверняка бы подверглись цензуре — а может, и привели бы к неприятностям.

Бои идут ожесточённые, и одна из причин в том, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о жизни солдат, чем западные союзники. Иногда применяются крайне жестокие штурмовые атаки — когда солдатам просто приказывают бежать вперёд, и при этом погибают тысячи людей. Они берут числом.

Бывало, что их вообще бросали в атаку без оружия — только с палками против пулемётов, пока расчёты вынуждены были останавливаться из-за перегрева стволов. День и ночь они стреляли по людям. Это были крайние, чудовищные сцены.

Жизнь человека ценилась очень дёшево. По приблизительным подсчётам, на одного убитого немца приходилось четыре погибших красноармейца. Это было чудовищно расточительное и бесчеловечное отношение со стороны высшего командования. Но оно приносило успех.

28 января подразделение **Гельфанда** достигло территории Германии. Приём был холодным — в буквальном и переносном смысле. Шёл снег, дул сильный ветер, деревни были пустыми.

Гельфанд пишет:

Местные жители, немцы, боятся гнева русских. Они бегут, бросая всё своё имущество.

Одним из последствий зимнего наступления становится массовое бегство немцев из восточных областей Германии. Подробно об этом мы поговорим в отдельном эпизоде.

Два дня спустя, 30 января — в тот самый день, когда **Гитлер** был назначен рейхсканцлером, — танковые войска маршала **Георгия Жукова** подошли к Одру, в районе старой прусской крепости Кюстрин. Если я правильно помню, сегодня это полуразрушенное место, своего рода «затерянное место». После войны его так и не восстановили.

Возможно, туда стоит съездить в экспедицию.

Да, моя бабушка провела там несколько лет в детстве. Надо будет уточнить, но, кажется, сегодня Кюстрин находится в Польше и после войны он так и остался разрушенным.

В этот день, 30 января 1945 года, **Гитлер** выступает с последним радиообращением. Ровно через 12 лет после прихода к власти ему остаётся лишь одно: призывать к стойкости.

"Как бы тяжела ни была нынешняя ситуация, она будет преодолена благодаря нашей воле, нашей готовности к жертвам и нашим способностям. Мы выдержим и этот кризис. В этой борьбе победит не Азия, а Европа — и прежде всего та нация, которая на протяжении полутора тысяч лет была передовой силой Европы перед Востоком и останется ею в будущем: наша великая германская нация"

Как это назвать? Я бы сказал — это откровенное отрицание реальности. Эта убеждённость, будь то искренняя или показная, что всё ещё закончится хорошо — это настоящий бред.

Да, по свидетельствам, на эту речь **Гитлера** уговорил **Йозеф Геббельс**. К тому моменту **Гитлер** уже почти полностью исчез из публичного пространства. Мне кажется, большого эффекта эта речь не произвела. О том, как в это время обстояли дела с настроением среди обычных немцев, мы ещё поговорим в другом эпизоде. Но реальность уже давно обогнала **Гитлера**.

Гельфанд и миллионы других красноармейцев в этот момент приближаются к тому, чтобы вернуть войну туда, где она началась.

К концу января 1945 года Красная армия глубоко вторглась на территорию Германии, словно клин, нацеленный прямо на Берлин. Зимнее наступление оказалось полным успехом и подготовило почву для последних больших битв в Европе.

Потери — ужасающие. В январе 1945 года Вермахт потерял более 450 000 солдат. За один месяц погибло больше немцев, чем США потеряли за всю Вторую мировую войну.

Это шокирует.

Если посмотреть на график немецких потерь в течение войны, видно, как кривая резко идёт вверх. Чем безнадежнее становилась война, тем больше людей бессмысленно бросали на убой. Именно поэтому всю эту клику вокруг **Гитлера** и всю нацистскую систему потом осудили. Никто не хотел заключать мир или подписывать перемирие с этими людьми, потому что они сами до конца увязли в этом преступлении. Эти солдаты, семьи которых горевали дома, не выбирали свою судьбу — и в январе 1945 года умирали напрасно.

Да, это правда.

Владимир Гельфанд пережил войну, позже участвовал в битве за Берлин, затем, после войны, работал преподавателем в профтехучилище и умер в 1983 году.

И в завершение — его последний дневниковый фрагмент от 28 января, дня, когда он впервые вступил на немецкую землю:

"Германия в огне, и это как-то радует сердце — видеть это зловещее зрелище. Смерть за смерть, кровь за кровь — мне не жаль этих человеконенавистников, этих животных".

Необычно резкие слова для **Гельфанда**, который в своих записях часто проявлял почти сочувствие к немцам. Но он пишет это всего через день после того, как советские солдаты обнаружили к западу от Кракова огромный лагерный комплекс, следы невообразимых преступлений и немногих выживших. И, возможно, именно этим объясняется жёсткость его слов.

Как участник Prime ты можешь слушать *"Was bisher geschah"* без рекламы на Amazon Music. Просто скачай приложение Amazon Music.
На этом всё для этого выпуска *"Was bisher geschah"*.

Источники, которые мы использовали для этой серии, ты найдёшь в описании выпуска (*Show Notes*). Если тебе понравился эпизод, мы будем очень рады твоему комментарию или положительной оценке на твоей подкаст-платформе. Также мы будем рады получить сообщение от тебя в Instagram: *etwasbishergeschah.podcast*.
"Was bisher geschah" — это совместная продукция студий Wondery и OnePodWonder.

Мы — **Йоахим Тельгенбюшер** и **Нильс Минкма**.

Нас поддержали в исследовательской работе **Самуэль Рит**, **Андреас Зедльмайер** и **Мориц ХOFFманн**.

От OnePodWonder: редактор — **Лукас Сэм Шрайбер**, звуковое оформление и видео — **Тим Клейкамп** и **Винсент Олива**.

От Wondery: продюсер серии — **Симоне Тербрак**, исполнительные продюсеры — **Тим Кель** и **Маршалл Луис**.